

ТРИ «ЗНАКОМСТВА» С РАХШМИРОМ, ИЛИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА, АСПИРАНТА И КОЛЛЕГИ

М. Л. Лукьянов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
mloukianov@gmail.com

Мое первое «знакомство» с Павлом Юхимовичем состоялось почти 45 лет тому назад, осенью 1975 г. Только что поступив на исторический факультет, я чувствовал себя прямо-таки на седьмом небе. Мне было 17, но я ощущал себя вполне взрослым: по моде того времени носил брюки-клеш, в перерывах курил в компании с однокурсниками (иногда и с преподавателями – времена были в этом отношении вполне демократичными), с утра до позднего вечера не появлялся дома... Но самое главное – занимался историей, которая интересовала меня больше всего на свете.

Поступая в университет, я знал, что самый главный историк в нем – Лев Ефимович Кертман: он был человеком, широко известным в городе, к тому же мама, в свое время окончившая университетский юрфак, внушила мне, что Кертман есть главная фигура среди пермских историков. Про других преподавателей факультета я ничего не знал, но сразу же понял, что на истфаке и кафедре новой и новейшей истории, которую Кертман тогда возглавлял, есть не только он.

В те времена всем студентам полагалось заниматься общественной работой. Я ее не любил, но деваться было некуда, и я подумал, что наиболее безболезненной ее формой для меня будут лекции для населения. Самодеятельности в этом деле места не было: лекции должны были разрабатываться в рамках лекторских кружков под надзором преподавателей. Один из таких кружков – при кафедре новой и новейшей истории – как раз и возглавлял П.Ю. Рахшмир. Внешний вид П. Ю. был нетипичен для университетского преподавателя того времени. Он редко повязывал галстук, еще реже надевал пиджак и благодаря моложавой внешности и спортивной фигуре казался кем угодно, только не доктором наук. Не помню, чтобы студенты за глаза называли его по имени-отчеству: он был «Рахшмиром» или (чаще) просто «Павлом». Никакого панибратства в этом не было: к нему всегда относились уважительно. Просто внешний вид заставлял обозначать Рахшмира иначе, чем Кертмана, которого называли либо по фамилии, либо Львом Ефимовичем. За давностью лет запомнил тему занятий кружка: то ли что-то о «межимпериалистических противоречий», то ли о «политической стратегии империализма на современном этапе». В любом случае эти выражения, дико звучащие для современного уха, П.Ю. наполнял содержанием, далеким от советского официоза. Он постоянно подчеркивал, что бывает политика и бывает политиканство, идеология и пропагандистская трескотня и не стоит их отождествлять.

Как долго я ходил в кружок, не помню. П.Ю. часто уезжал в Москву: он много занимался в столичных спецхранах, что предполагало длительные отлучки, и оговоренное расписание заседаний постоянно нарушалось. Тем не менее яркое впечатление осталось, и уже к концу первого семестра я понял, что кафедра новой и новейшей истории – это не только Кертман, но и Рахшмир (да не обидятся на меня другие сотрудники кафедры – с ними мне и моим соученикам предстояло познакомиться на втором – третьем курсах).

Второе «знакомство» состоялось спустя примерно полтора года после первого. Лев Ефимович Кертман, под руководством которого я писал курсовые работы, на защиту моей курсовой на втором курсе пригласил Павла Юхимовича и объявил, что отныне моим научным руководителем станет Рахшмир – тому предстояло вести на нашем курсе спецсеминар. Выбор спецсеминара был делом каждого студента, кафедру новой и новейшей истории в тот год представлял именно П.Ю., и Кертман меня ему как бы передавал вместе с другим моим соучеником – Петром Соном. Так, с 1977 г. я начал заниматься у П.Ю. и продолжал оставаться его подопечным вплоть до 1986 г., когда защитил кандидатскую диссертацию.

Я всегда с удовольствием ходил на спецсеминар, да и однокашники мои от него не страдали. Это была сугубо мужская компания, изучавшая самые разнообразные сюжеты из истории Запада XX в. Среди нас было два «германиста» (Миша Трошкин занимался проектами Вальтера Ратенау, Виталий Захваткин – Немецкой национальной народной партией), «американист» Витя Костычев (писавший о Збигневе Бжезинском) и два «англоведа» (объектом штудий Пети Сона был Освальд Мосли и Британский союз фашистов, а моих – британские консерваторы начала XX в). Надеюсь на снисхождение еще одного участника семинара – Славы Красавина, тему которого я, к сожалению, запамятовал. Иногда к нам заглядывал бывший дипломник П.Ю. Виктор Ищенко, работавший в Сельскохозяйственном институте.

Занятия спецсеминара начались с подробного обсуждения первого большого советского политологического труда – «Ленин. Государство. Политика» Ф.М. Бурлацкого [*Бурлацкий*, 1970]. В разговоры о книге П.Ю. постоянно вплетал новые тогда для меня имена классиков – Макса Вебера, Карла Мангейма, Эрнста Нольте, Иоахима Феста, Ренцо де Феличе и др. Рахшмир подавал их в нехарактерном для той эпохи («обострения идеологического противоборства двух систем» – так это звучало на официальном языке) позитивном ключе. Он подробно рассказывал об их трудах и идеях, демонстрируя нам наличие иных подходов к изучению истории, показывая их преимущества перед принятыми в советской историографии. В этом виделась не пресловутая «фига в кармане», а выражение корректного и уважительного отношения к большому ученому и к настоящей науке.

Попутно замечу, что П.Ю. всегда проявлял солидарность с коллегами, которые по каким-либо причинам воспринимались как «неблагонадежные». Рахшмир не боялся поддерживать отношения с Александром Моисеевичем Некричем, ставшим объектом травли в 1967 г. (подробнее см. [Петровский, 1995, с. 528–539; Некрич, 1979, с. 211–306]. Не остался он безучастным и к недавней истории с отказом в присвоении докторской степени петербургскому историку Кириллу Александрову (краткое изложение этой истории см., например [Экспертный совет ВАК...]).

П.Ю. всегда оставался ученым академического склада. Много лет занимаясь политической историей, историей политической мысли и тем, что сегодня обычно именуют «исторической политикой», он всегда выступал против того, чтобы политическая целесообразность вторгалась в профессиональные исторические дебаты. Рахшмир учил нас читать исторические источники, стремясь выделить наиболее важные, сущностные моменты в высказываниях их авторов. Читать прежде всего строки, а не между строк, как того требовал советский канон, предусматривавший поиск «классовых интересов» и «классовой природы» во всем, вплоть до эстетических пристрастий.

Бывало, что разговор на спецсеминаре неожиданным образом переходил с сюжетов исторических или политологических на спортивные, прежде всего футбольные. Я был заядлым футбольным болельщиком, интересовался историей футбола и к этому моменту прочитал практически всю литературу (тогда она была крайне бедна) по этой теме на русском языке. Еще более компетентным в этом отношении был «спец» по Ратенау Миша Трошкин. Однако куда нам было до П.Ю. Четыре десятилетия проработав в разных учебных заведениях и повидав множество разных преподавателей, замечу, что преподавательская манера П.Ю. была далека от любых шаблонов. В основе ее лежала импровизация, которая была возможна благодаря огромным знаниям, искреннему интересу к истории и доброжелательному отношению к студентам. Спустя много лет в профессиональных историках из наших спецсеминаристов остался только я, однако все мы с удовольствием вспоминаем общение с Рахшмиром в тесных аудиториях восьмого корпуса.

Увлечись темой тори кануна Первой мировой войны, я хотел продолжить изучение этой проблематики и подготовить по ней кандидатскую диссертацию. Особенно лестным было предложение П.Ю. стать моим научным руководителем – сам я едва ли посмел бы об этом заикнуться. Но выяснилось, что Лев Ефимович Кертман пишет большую книгу о Чемберленах, и, по мнению П.Ю., было бы некорректным вторгаться в эту сферу¹. В результате темой моей диссертации стала историография британского консерватизма.

Общались мы не столько на кафедре или дома у П.Ю., сколько на бегу, «перипатетическим методом», как он именовал такую форму общения. Совместные пробежки начались в

1982 г. и продолжались до конца 1980-х. Конечно, чаще всего бег был формой, а содержанием – обсуждение каких-то связанных с диссертацией или историей вообще сюжетов. Но был эпизод, когда бег неожиданно оказался самоцелью. Однажды летом 1983 г. я прибежал на стадион «Динамо», где П.Ю. тогда накручивал по утрам круги. У меня с собой оказался секундомер, и П.Ю. предложил пробежать пять километров на время. Бежали мы довольно бодро, выбегая раз за разом из 96 секунд на круге, что давало шанс выйти из 20 минут на пятикилометровой дистанции. К концу четвертого километра у меня заныла травмированная незадолго до этого ключица, и я был вынужден сбавить темп. П.Ю. продолжал «упираться», и, когда добежал до финиша, секундомер показал меньше 19 минут! Конечно, это время было трудно считать серьезным результатом для бегуна, но, во-первых, П.Ю. был в прошлом фехтовальщиком, а не легкоатлетом, во-вторых, ему в тот момент исполнилось 48². В 25 лет я был посрамлен человеком, который мне в отцы годился, и решил, что должен выбежать хотя бы из 20. Удалось это мне через несколько дней, однако в свои 48 я и близко не смог подойти к такому результату. Но в любом случае я всегда останусь благодарным П.Ю. за то, что он приобщил меня, как и многих других своих подопечных, к систематическим физическим нагрузкам.

Не оставил П. Ю. меня своими заботами и в ситуации, когда выяснилось, что содержание уже написанной диссертации оказалось слишком необычным для традиционного по тому времени пониманию историографии. Рекомендации Л.Е. Кертмана и других членов кафедры помогли скорректировать название и структуру текста, но переделывать-то его предстояло мне. И опять-таки «перипатетическим методом» П.Ю. помог определить четкую стратегию работы. В конце концов, 26 декабря 1986 г., на следующий день после завершения срока аспирантуры, в университетском совете состоялась защита моей диссертации. Это потребовало очень интенсивной работы: помню, что автореферат пришлось написать буквально за сутки. П.Ю. велел его основательно переделать, и, лишь слегка передохнув, через день я вновь получил «рабочие сутки». Для непосвященных поясню, что современной оргтехники тогда не было и печатать приходилось на пишущей машинке. В результате в автореферате уже после публикации обнаружилось около десятка опечаток, которые пришлось исправлять вручную в каждом экземпляре. Но, главное, я успел к положенному сроку, что без содействия П.Ю. было бы невозможно в принципе.

Третье «знакомство» состоялось в 1991 г., когда я перешел из Политехнического института в университет. П.Ю. к этому времени уже несколько лет заведовал кафедрой новой и новейшей истории (после смерти в 1987 г. Л.Е. Кертмана) и превратился в своего рода старшину пермской исторической корпорации. Еще в 1980-е гг. основной областью академических интересов П.Ю. стал консерватизм. В 1987 г. в соавторстве с А.А. Галкиным, который, как и П.Ю., обрел известность как специалист по фашизму, он выпустил первую в отечественной историографии обобщающую работу о консерватизме – «Консерватизм в прошлом и настоящем» [Галкин, Рахимир, 1987]. До сих пор эта небольшая (менее 200 страниц) книжка остается одним из лучших путеводителей по истории консервативной идеологии и политики в целом. (Помню, как приятно было наткнуться на нее буквально посреди американских прерий – в библиотеке Университета Иллинойса в Урбане.) В 1990-е – начале 2000-х гг. П.Ю. организовал в Перми серию конференций по проблемам консерватизма, в которых принимали участие отечественные и зарубежные ученые. В связи с конференциями и деятельностью возникшего под его руководством пермского Центра по исследованию консерватизма ярко проявилась еще одна важная сторона натуры П.Ю. – терпимость к иному мнению и готовность признать возможность иного, пусть даже радикально отличного от собственного, взгляда на проблему.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации предметом моих изысканий стал российский консерватизм начала XX в. По моему ощущению, П.Ю. этот поворот не то чтобы не одобрял, но относился к нему с большим скепсисом, видя в самом словосочетании «российский консерватизм» *contradictio in adjecto*. Тем не менее он продолжал интересоваться моими делами, приглашал на конференции, заранее зная, что будет звучать (и не только из моих уст) то, с чем он был категорически не согласен.

Для П.Ю. бурные перемены рубежа 1980 и 1990-х гг., выбившие из колеи множество авторитетных отечественных историков, особенно специалистов по новой и новейшей истории, оказались во благо, позволив расширить круг доступных источников и литературы, да и лич-

ных контактов. Продолжая ставшими для него традиционными изыскания в области консервативной политики и идеологии второй половины XX – начала XXI в., он выпустил книгу об одном из отцов-основателей европейского консерватизма – К. Меттернихе [Рахшмир, 2005].

П.Ю. никогда не «окостеневал» и сохранял способность адаптироваться к меняющейся среде. Постоянно менялось содержание и его учебных курсов. Разговаривая с теми, кто учился на истфаке несколькими курсами раньше, я не без удивления узнавал, что у них П.Ю. в курсе новейшей истории говорил по преимуществу о германском нацизме и итальянском фашизме. Нам эти сюжеты были оставлены для самостоятельного изучения. Зато было много Веймарской Германии и истории США, от Великой депрессии до президентства Дж. Картера. П.Ю. стремился рассказывать то, что ему казалось в данный момент наиболее интересным и важным; он всегда связывал свои научные изыскания с преподавательской работой.

Боюсь (и сожалею), что такая степень свободы в выборе учебного материала едва ли бы нашла поддержку в нынешние времена. Без малого 60 лет (с 1960 по 2019 г.) проработав в Пермском университете, Рахшмир менялся вместе с ним, в свою очередь, изменяя студентов, аспирантов, коллег. При этом П.Ю. всегда оставался верным себе, далеким от чинопочитания и бездумного следования извивам конъюнктуры. Очень жаль, что я больше не встречу его на подходе к университету или на его территории. Для меня он всегда остается живым символом того истфака, на который я так хотел поступить, на котором с таким удовольствием учился и почти три десятка лет работал. Дай Бог, чтобы новый факультет не ронял репутацию старого и среди его профессоров нашлись те, о ком, не кривя душой, скажут, что они оказались достойными наследниками Павла Юхимовича Рахшмира.

Примечания

¹ К сожалению, Л.Е. Кертману было не дано дожить до ее выхода в свет. Эта книга была опубликована посмертно (см. [Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990]).

² Для далеких от систематических беговых тренировок читателей поясню, что согласно знаменитому тесту Купера, если мужчина в этом возрасте за 12 минут пробегает больше 2,5 км, то он находится в «превосходной» физической форме. Фактически в тот день П.Ю. за 12 минут пробежал существенно больше 3 километров, да еще по ходу пятикилометровой дистанции!

Библиографический список

- Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. М.: Наука, 1970. 524 с.
Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987. 194 с.
Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. 544 с.
Некрич А.М. Отрешись от страха: Воспоминания историка. London, 1979. 414 с.
Петровский Л. П. Дело Некрича // Вестник РАН. 1995. Т. 65, вып. 6. С. 528—539.
Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 1999–2001. Т. 1–2; 2-е изд. Пермь, 2005. 405 с.
Экспертный совет ВАК не поддержал диссертацию о власовцах. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/06/02/004/> (дата обращения: 01.06.2020).

Дата поступления рукописи в редакцию 01.06.2020

References

- Burlatskiy, F.M. (1970), *Lenin. Gosudarstvo. Politika* [Lenin. State. Politics], Nauka, Moscow, Russia, 524 p.
Ekspertnyy sovets VAK ne podderzhal dissertatsiyu o vlasovtsakh [The Expert Council of the Higher Attestation Commission did not support the dissertation on Vlasovites], available at: <https://shchshchshch.fontanka.ru/2017/06/02/004/> (accessed 01.06.2020).
Galkin, A.A. & P.Yu. Rakhshmir (1987), *Konservativizm v proshlom i nastoyashchem* [Conservatism in the past and present], Nauka, Moscow, Russia, 194 p.
Kertman, L.E. (1990), *Dzhozef Chamberlen i synov'ya* [Joseph Chamberlain and sons], Mysl', Moscow, Russia, 544 p.p
Nekrich, A.M. (1979), *Otreshis' ot strakha. Vospominaniya istorika* [Renounce fear. Memoirs of a historian], Overseas Publications Interchange Ltd, London, UK, 414 p.
Petrovskiy, L. P. (1995), "The Case of Nekrich", *Vestnik RAN*, Vol. 65, iss. 6, pp. 528–539.
Rakhshmir, P.Yu. (2005), *Knyaz' Metternikh: chelovek i politik* [Prince Metternich: a man and a politician], Vol. 1–2, w.p., Perm, Russia, 405 p.